Вечером мы прошли таможню и оказались в российском Донецке. Приветливая июньская прохлада пахнула в лицо будто бы по-новому. Как только перешли границу, я почувствовал воздух свободы. За спиной оставались блокпосты, горящие БТРы, битое стекло и обломки на тротуарах. За спиной оставался хаос. И с первыми шагами по этой земле я ощутил, что хаос прекратился, будто бы не смог преодолеть некую черту и ворваться на территорию огромной страны.

Я был обвешан сумками, как новогодняя елка гирляндами. Рядом шла Лена, уставшая и вымотанная. Казалось, что ей безразлично происходящее. Сонные глаза, невеселая мордочка, обессиленные руки и гудящие от нагрузки ноги. Хрупкая девушка, которая не способна остановить не то что коня — даже белку с ног не собьет. «Ничего, потерпи, родная, скоро отдохнем».

Мы шли по темной длинной улице в поисках пункта временного размещения. Как добраться до деревни, в которой живет моя бабушка, я еще не знал. Я плохо понимал, где мы находились, и не представлял, каким маршрутом придется следовать. Знал точно одно: нам — на север.

Пункт временного размещения — красивое название, которое вселяет надежду.

Ты думаешь, что тебя там разместят, дадут койко-место и возможность подремать до утра, перевести дух и восстановить силы. На деле же оказалось по-другому. Стояло несколько больших палаток, рядом с ними собралось много жителей Донецкой и Луганской областей, большинство с маленькими детьми, которые плакали и просили еды и сна. Я понял, что даже присесть здесь негде, а за каждый стул идет ожесточенная борьба. По крайней мере, удалось выпить горячего чаю, чтобы немного согреться, ведь наступила ночь, и холодный туман окружил городок.

Зашел в одну из палаток, в ней регистрировали прибывших. Я сел напротив девушки и продиктовал свои данные. К женщине за соседним столом подсел парень, лицо которого я сразу узнал. Неоднократно он выступал на митингах, получил медийную известность. Тогда я стоял перед сценой, а он возвышался над нами, вдохновляя народ. На него смотрели, как на идейного вдохновителя. Меня же постоянно спрашивали, кто я и почему снимаю все на камеру. Наверное, считали агентом госдепа, не меньше. Теперь мы сидели рядом, и между нами практически не было различий.

На улице темнота сгущалась и рассеять ее не могли даже огни городка беженцев. Уже начало трясти от холода. Какого черта, июнь же на дворе. Превратившись в опытного крота, я порылся в сумках и, перепахав килограммы разных нужностей, нашел кофту. Лена накинула джинсовую куртку.

В лагере оставаться не было смысла — ни сна, ни отдыха. Узнали, что железнодорожная станция есть в городке Каменске-Шахтинском. Стало быть, нам туда. Скооперировались с женщиной, которая намеревалась отвезти свою дочь к родственникам в Оренбург. Нашли такси, загрузились в него. Сонливость у меня прошла. Дорогой я болтал с молодым водителем, Лена дремала. Длинная трасса, уносящаяся в неизвестность, в ночь, мелькала километрами, светились огоньки поселков... Дорога заняла около часа. Расплатились. Время — почти три часа ночи, на вокзале народу — тьма. Выяснил, что нужный нам поезд прибывает через двадцать минут. Поставил Лену в очередь, вышел покурить. Еле успели купить билет, через минуту подошел поезд. Там мы немного поспали.

* * *

Бабушка нас встретила в райцентре. Она очень постарела за последние годы, стала не такой бойкой, правая рука у нее болела все сильней. Мне было жаль ее видеть такой, старость не щадит никого. Банальная, но горькая истина.

Поехали в деревню. Лена спала у меня на плече, а я рассказывал, что у нас *там* происходило. Родители остались в Луганске, и бабушка очень переживала за них, потому война так сильно отразилась на ее здоровье.

Бабушкино село встречало буйством зеленых разросшихся тополей и высокой травы на стадионе возле дома. Теперь детворы совсем мало, никто здесь больше не играл. На улицах почти не было людей, одинокий велосипедист с интересом разглядывал, что это за новые лица приехали. Это село — мой второй дом, где в сумме я провел много лет. Первый раз родители привезли меня на папину малую родину, когда мне не исполнилось и года. С тех пор каждое лето я проводил здесь.

В домике с сенями и двумя комнатами мы бросили сумки и перекусили, после этого легли отдыхать. Я почувствовал усталость, слишком

много за последние сутки впечатлений, десятки километров преодолено. Внутри — смутная гамма чувств, не поддающаяся описанию. А впереди белая стена. Что дальше? Я задремал.

Под вечер вышел принести воды, встретил знакомого.

— Что *там* у вас? — спрашивает.

— Да стреляют, бои идут.

— Гребаные американцы, заварили кашу. Ничего, держитесь. Приходи в гости, посидим, выпьем.

— Хорошо, — говорю. И разошлись.

Я присел на лавке возле двора, надо мной — навес с диким виноградом, который в дневное время защищал от солнцепека. Закурил сигарету. Рядом раскинулось футбольное поле, большое и дикое. По левую руку — парк с гигантскими деревьями, которые под ветром так громко шелестели листвой. Он всегда казался мне каким-то мистическим и бесконечным, в центре его стоял разваливающийся клуб. Сколько водки выпито в этом парке, сколько танцев прошло в этом доме культуры! В советское время здесь даже фильмы показывали. Как меняется время, как меняются наши жизни...

Я вернулся в дом. Показывали выпуск новостей. Естественно, речь шла о Донбассе. Я смотрел на светящийся экран, показывали кадры со взрывами. Появились две фотографии с молодыми парнями, одного из них я сразу узнал. Голос за кадром рассказал, что во время обстрела рядом с поселком Металлист под Луганском погибли два сотрудника ВГТРК — Игорь Корнелюк и Антон Волошин. Съемочная группа отправилась туда снимать сюжет о людях, покидающих территорию военных действий. Мина разорвалась прямо рядом с журналистами, Волошин погиб сразу, Корнелюка пытались спасти, но не смогли. Ужасающие кадры заснял член съемочной группы, оператор телеканала «Россия» Виктор Денисов, который чудом выжил, находясь чуть дальше взрыва.

Меня прошиб холодный пот, и я, одеревенев, продолжал смотреть на экран, уже не слушая. Я ведь видел их живыми буквально вчера.

* * *

Весной 2014 года на Донбассе война только начинала крутить свое колесо, хотя до последнего не верилось, что будет такое серьезное противостояние. Луганск наводнили российские журналисты, освещавшие многие знаковые события того периода. Прямо пропорционально уменьшалось количество местных корреспондентов, которые «разделяли некие европейские ценности», а местных пророссийски настроенных жителей считали предателями.

Работать становилось совсем непросто, за каждое написанное или произнесенное слово могли спросить. Да с пристрастием. Несколько раз мне пришлось столкнуться с агрессией толпы на митингах. Но я делал свою работу, и делал ее честно, максимально объективно описывая происходящее на страницах газеты.

Мы каждый день ходили на пресс-конференции в Луганскую облгосадминистрацию, где теперь находилась база тогдашнего главы Луганской народной республики Валерия Болотова. Кроме него, также выступали другие лидеры восстания на Луганщине. События разворачивались калейдоскопически быстро. Сообщения об обстрелах, ответные действия ополченцев, обращения к Российской Федерации и так далее.

Каждый прожитый день вмещал в себя неделю событий в обычном жизненном режиме.

Российские журналисты уже примелькались, многих я запомнил в лицо, иногда мы здоровались. Помню и Антона Волошина на этих пресс-конференциях, у меня остались даже фотографии с ним, он случайно попал в кадр. Мы не были близко знакомы и никогда не общались. Однако я помню оператора ВГТРК Виктора Денисова. В один из июньских дней мы стояли возле здания Луганской администрации в ожидании, когда нас туда пустят. Разговорились. Он мне показался очень хорошим человеком — по-детски открытым, увлеченным рассказчиком. Если не ошибаюсь, он бывал по работе и в Сирии в предыдущие годы, и в других горячих точках.

В общем, знакомство с российскими коллегами было, хоть и шапочное. Но... но весть о гибели ребят, с которыми виделся почти каждый день на протяжении двух недель... она не могла не потрясти меня.

В тот же день задержали Надежду Савченко. В прессе сообщили, что участница добровольческого батальона якобы под видом беженки пыталась проникнуть на территорию России. По информации правоохранителей, именно по наводке Савченко погибли Волошин и Корнелюк. Показали, как она выглядит. С того момента понятие «зло» в моей памяти стало будто бы персонифицированным.

* * *

Каждый день, подобно сотням моих земляков, покинувших свои дома, я просматривал ленты новостей, читая о том, куда попали снаряды, кто захватил какой населенный пункт. Лена старалась оторвать меня от этого, заставить заняться более насущными вопросами благоустройства и определения дальнейших планов. А я упорно возвращался к сайтам, смотрел выпуски новостей. Самым тяжелым были разговоры с родителями, связь тогда еще работала. Я безумно хотел, чтобы они не ждали до последнего и пересидели эти тяжелые обстрелы вместе с нами, здесь, у бабушки. Но они стояли на своем — дом не покидать ни при каких обстоятельствах. И словно мантру повторяли: «У нас все хорошо». Наверное, это их и спасло.

Лена постоянно задавала вопрос о том, что делать дальше. Если бы я знал! В первую очередь, мне хотелось немного отдохнуть после напряженных месяцев работы. Я просто не успевал переваривать информацию. Не было момента, когда бы я мог сесть и подумать над происходящим.

— И ты отдохни, — говорил я. — Воздух чистый, красивая природа. У тебя ведь давно не было отпуска.

— Я не могу отдыхать, — отвечала Лена. Я понимал, что ее мучают насущные вопросы: где брать деньги, что есть.

— Хорошо, что у меня бабушка здесь живет. А то бы вообще некуда было ехать. Помнишь женщину на границе с тремя детьми и без мужа? Вот кому действительно тяжело. Ей только и остается надеяться на помощь государства. И ведь таких, как она, сотни тысяч. Поэтому не жалуйся, всегда есть те, кому хуже.

Я показывал ей деревенские достопримечательности, места, где прошло мое детство, юность, рассказывал о своих здешних друзьях. На тот момент я еще наивно полагал, что у меня действительно есть друзья в России. Мы бродили по полям и пустынным улицам, сидели в парке, со-

зерцая неспешную сельскую жизнь. По утрам и вечерам мимо дворов проходили коровы. Как их мало осталось... раньше стадо насчитывало несколько десятков голов, я сам когда-то пас этих добродушных кормилиц. А теперь и дюжины не набиралось.

Одиночество и бессмысленность цепко вцепились в нас. И, кажется, даже надежда тяжело заболела...

На шее у бабушки сидеть не хотелось, даже с подсобным хозяйством на одну пенсию не прожить. А работы в селе немного. И мы решили поехать в Воронеж. Собрали вещи, которые и разложены-то толком не были, дождались понедельника и отправились в город. Туманная пелена покрывала поля, на блокпостах инспекторы ГИБДД несли службу в усиленном режиме, особенно на въезде в город, проверяли много машин. Донбасс ведь совсем рядом.

Первую неделю мы жили у моей кумы. Потом настало время съезжать. В Интернете я нашел форум, где предлагали помощь. В основном там, конечно, рассуждали о том, какие беженцы наглые, не хотят на халяву делать ремонты господам и тому подобное. Но были и нормальные люди. Так я нашел Романа. Он подъехал к нам вечером на байке. Мы познакомились и немного поговорили. Незнакомец произвел очень хорошее впечатление и чем-то напомнил Ивана Охлобыстина. Рома рассказал, что у него есть дача, на которой никто не живет и предложил нам там находиться сколько угодно. Взамен не требовал ничего. Абсолютно. До сих пор Роман остается одним из лучших людей, которые повстречались мне.

Итак, мы обосновались в Дальних Садах, седьмая остановка. До центра Воронежа какой-то там час. В условиях большого города это очень даже хорошо. Двор зарос травой, высота которой почти достигала моего плеча. Мы с Леной заняли второй этаж ветхого домика. Там было пыльно, и мы сразу же принялись наводить порядок. На следующий день я взял тяпку и попытался справиться с бурьяном. Затем натянул между деревьями веревку, чтобы сушить белье. Требовалось сделать душ. Пространство было хоть и заросшее кустарниками и деревьями, но соседние дачи были совсем рядом. Я нашел какую-то длинную клеенку, выбрал удобное местечко возле дома, и обмотал ею три дерева, образовав непроглядную территорию. После сходил за водой. Колонка была метрах в пятистах, в районе остановки.

Кое-как устроились. Занялись поиском работы. Просматривали объявления в Интернете, созванивались с потенциальными работодателями. В Воронеже рынок труда был куда больше, чем в Луганске. Все-таки город-миллионер и не самый бедный. У Лены в день бывало по несколько собеседований. Она имела хороший стаж — восемь лет, ее способности сразу отмечали, она умела схватывать все на лету и могла досконально разобраться в своей работе, даже в новых для себя сферах. Предлагали отличные условия, неплохую зарплату, карьерный рост и далее по списку. В общем, вы нам подходите, завтра выходите на работу. Но как только узнавали, что Лена из Луганска, что она иностранка, пыл начальников остывал и они обещали перезвонить. Другие открыто заявляли, что не хотят связываться с ней из-за документов, мол, с налоговой будет много геморроя. Как бы то ни было, двадцать собеседований за неделю превратились в пыль, не принеся ничего, кроме трат на проезд.

У меня с работой дела обстояли еще хуже. Журналисты практически нигде не требуются. Даже в больших городах. Еще трудней устроиться,

если ты не местный, не знаешь особенностей региона, не знаешь, кто сейчас занимает пост мэра или губернатора области. Конечно, это быстро исправляется, но возиться с тобой все равно никто не хочет. Из плюсов — у меня было уже несколько лет стажа и достаточный опыт, элементарные вещи мне не нужно было объяснять, я знал принципы онлайн-журналистики, особенности составления заголовков в газетах и Интернете и далее по списку из резюме. Обычно даже в крупных городах существуют несколько телеканалов, десяток газет и два десятка сайтов новостей. И все они уже под завязку забиты штатными сотрудниками. При этом каждый год местные факультеты журналистики выпускают новую партию безработных.

В общем, минула пара недель, а мы мало чего добились. Ни на шаг не продвинулись в сфере документов. Абсолютно не знали, что нам надо оформлять, и вообще надо ли. Днями шатались по воронежским улицам, смотрели достопримечательности, водохранилище, корабль по проекту Петра I, иногда заходили перекусить в недорогие кафе. Эх, если бы это было туристическое путешествие, то город бы мне очень понравился. Но красотами трудно насладиться, когда все мысли приводят в Луганск, к родным, к войне... Часами простаивали очереди в ФМС, общались с земляками, пытаясь заполнить информационный вакуум по поводу документов. Затем возвращались на забитом автобусе, который ходил редко, на седьмую остановку, шли по накатанной дорожке мимо дачных домиков. Народ строился, возводил новые заборы, пристраивал этажи, ухаживал за огородами, лаяли собаки, постоянно забегая к нам во двор.

И не только они. В один из суетливых июльских вечеров мы вернулись из города «к себе» на дачу. Я решил поправить забор, покосившийся немного. Лена отвязала калитку. Я услышал, что она с кем-то разговаривает, зашел во двор и увидел, как за углом домика копошится грязный и, вероятно, нетрезвый незнакомец. Он бросил нам какую-то фразу и пустился наутек, причем так ловко, будто уже досконально все здесь знал. Я попытался догнать его, но было поздно. Мы проверили все замки, вещи. Вроде на месте. После этого стали закрываться в домике на замок. На следующий день слышали, как местные дачники обсуждали воров, которые разбили стекло и забрали всю еду.

Накопленные деньги неумолимо заканчивались, а плодов поиски попрежнему не приносили. Я созвонился с несколькими знакомыми. После заверений в помощи по поводу работы они пропадали, просто испарялись, не брали трубку. Именно в этот момент ко мне закралась паскудная мысль: «А есть ли у меня друзья в России?» Всю жизнь думал, что есть. И дело даже не о том, что мне никто не помог. В конце концов, я с детства приучен рассчитывать только на себя. Хреново, что ни один «друг» не написал и не позвонил с вопросом: «Ты там вообще жив? Где ты?» Просто оглушительная тишина.

* * *

И вот в один из дней в конце июля я наткнулся на объявление. В нем говорилось, что организации требуются переводчики с разных языков, в том числе, и украинского. «А вдруг...» — подумал я. Набрал номер и договорился о собеседовании.

Вечером, когда еще солнце не зашло, я нагрел воды, налил ее в маленький тазик и пошел купаться. Летний ветерок доносил голоса соседей,

запах шашлыков, звук проезжавших машин. Рядом бегали собаки, искали еду и приключений. Наверное, им даже нравилась эта бродячая жизнь — кто-то в хорошем настроении кинет кость с мясом, другой выругается и погонит палкой со двора, а они будут убегать с веселым лаем. Нет скуки, только зелень и пьянящие запахи цветов... Что ожидает меня и Лену? Готовы ли мы к такой бродячей жизни?

Похолодало, я обтерся полотенцем и пошел ужинать. Спалось отвратительно. Кровать постоянно качалась и скрипела, норовила скинуть на пыльный пол. Снился Луганск, проигрывающий благодаря неумелым действиям кукловодов, истекающий кровью. Снился мой родной город, ставший на это время самым темным местом на Земле, потому что за каждым углом могла ожидать смерть. Неужели так бывает, что на жалком клочке земли воедино собирается все горе и все грехи?

Вставать не хотелось, но будильник уже дал сигнал. Повалявшись пять минут, я в итоге бодро поднялся с дивана, позавтракал бутербродами с кофе, поцеловал дремлющую Лену и побрел на остановку. Забитый автобус подошел через полчаса, я втиснулся к дачникам, мол, я свой, такой же любитель копаться в земле, как и вы. Основная тема обсуждений — война на Донбассе. Я вышел у цирка и, петляя по малознакомым улицам, пошел в сторону галереи, наслаждаясь шумом большого города, суетой, отвлекающей от всех бед.

Достаточно быстро нашел нужный офис, хоть и пришлось перед этим созвониться с представителями конторы переводов. Зашел внутрь и увидел несколько маленьких комнаток. Меня встретила девушка Саша, дала несколько листов, чтобы я мог ознакомиться с примерами тех переводов, которые они делали. Надо сказать, что я учился в классе с углубленным изучением украинского языка, поэтому знал его неплохо, как письменный, так и устный. И вот читаю я их переводы и удивляюсь количеству ошибок. Ну ладно, думаю, хорошо, тут я и пригожусь. По текстам видно, что украинский никто из них толком не знает. А разговаривать на нем тем более не умеют. Разве только на суржике. Сделал тестовый перевод, сдал его и начал ждать результата проверки. Снова пришла девушка Саша, одобрила мой тест, после чего начала активно «спичевать» меня сделать у них перевод. «Ну, вы же будете себе какие-то документы оформлять? Вам обязательно понадобятся переводы», — убеждала она. Спросил, сколько же стоит «удовольствие». Около трех тысяч. Откуда у меня такие деньги? Но ее это мало волновало, она продолжала настаивать на своем. Да, веселое местечко, пришел устраиваться на работу, а меня разводят на деньги. Вежливо отказался, пообещал подумать. Оставил контактные данные и, разочарованный, ушел.

Я уже не ждал от этой фирмы никаких заказов на переводы, но неожиданно через несколько дней мне позвонили.

— Здравствуйте, Андрей. Это Александра. Вы ведь владеете разговорным украинским языком?

— Ну да, конечно. Изъясняюсь вполне прилично.

— Хорошо. Тут такое дело. Вы ведь слышали о Надежде Савченко?

Я опешил — еще бы, не слышать!

— Да, конечно.

— Она сейчас содержится в одном из воронежских СИЗО. И дело в том, что она отказывается общаться без переводчика. При этом прекрасно понимает по-русски и может говорить на нем. Но требует переводчика на украинский язык. Сможете?

— Смогу, что тут сложного, — задумчиво пробормотал я.

— Понятно, что вы нужны больше для галочки, в качестве мебели. Но наличие переводчика — обязательное условие Савченко.

— Я понял.

— Вы согласны?

Во мне разгоралась неясная тревога, сразу много смешанных чувств, которые трудно разграничить и объяснить... Но Александре нужен был ответ.

— Да, согласен, — наконец решился я.

— Хорошо.

Дальше мы поговорили о нюансах. Встреча должна была состояться завтра.

Во дворе нашей дачи под раскинувшим ветвями деревом стоял старенький диван. Я завалился на него, скрывшись под сенью крон от агрессивного полуденного солнца. Часто летали вертолеты прямо надо мной, от этого по телу шла неконтролируемая дрожь, эти звуки возвращали в раздираемый войной дом. Я стал думать, пытаясь расставить по полочкам все в своей плохо работающей из-за перенапряжения голове. Неужели я действительно увижу завтра человека, который стал для меня воплощением чистого зла? Человека, который обвинялся в причастности к убийству моих коллег-журналистов. Насколько тесен мир! Разве я знал, что у меня появится возможность встретиться с Савченко? Я даже не думал об этом, когда ехал сюда. И что я буду делать, когда встречусь лицом к лицу с ней?

В чем были виноваты Волошин и Корнелюк? В том, что работали на государственный телеканал «России»? Это их самая большая вина? А их убийство было целенаправленным или случайным? Известно, что на многих войнах человек с надписью PRESS — это мишень номер один. В любом случае, эти ребята зла никому не сделали. Сейчас журналистов обвиняют в том, что по их вине началась война. Но разве может газета или телеканал на самом деле разжечь войну? Если вдуматься, то это полный бред! Да, СМИ важны сейчас как никогда в условиях идущей информационной войны, журналист тоже в какой-то степени солдат. Но войны разжигают те, кто сидят в высоких кабинетах. Ни один газетный материал или сюжет по ТВ не может сделать столько для разжигания ненависти, сколько высказывания и действия продажных политиков.

Я задремал во дворе. Вертолеты больше не летали, нервы успокоились.

Следующим утром снова пришлось рано вставать, потому что автобус от Дальних Садов ходил раз в час. Я на скорую руку позавтракал, умылся и привел себя в порядок. Максимально прилично оделся, учитывая, что вещей взял с собой немного. Добрался до центра города, пересел в автобус, который шел в нужную сторону. Любовался видами Воронежа, долгими проспектами, высокими домами, оживленными остановками. Приехал на конечную и начал расспрашивать местных, где находится СИЗО. Нашел довольно быстро, но до встречи оставалось еще пара часов, поэтому пошел прогуляться по округе. Ожидание усиливало тревогу, я курил одну сигарету за одной, бродил по длинной аллее, рядом шумела стройка.

Раздался телефонный звонок, номер был неизвестный.

— Андрей? Здравствуйте. Я по поводу Савченко, следователь. Хотел удостовериться, что вы помните и не опоздаете.

— Здравствуйте. Да, я уже недалеко, на самом деле.

Недолгое молчание.

— До встречи еще два часа. Вы чересчур ответственный.

— Может быть. Просто я город плохо знаю, решил заранее приехать. Лучше подожду.

— Вы не из Воронежа? — удивился он.

— Нет.

— А откуда? — насторожился.

— Ну… из Луганска.

— А-а, ясно. Я вам перезвоню.

Я присел на остановке, выпил воды, было очень жарко. Думал на отвлеченные темы, стараясь не возвращаться мыслями к предстоящей встрече, которая в любом случае для меня будет напряженной. Через некоторое время снова зазвонил телефон.

— Але, да.

— Андрей, к сожалению, вы нам не подходите. Понимаете, в суде потом обязательно придерутся к тому, что вы из Луганска, потому что у вас могут быть личные мотивы, неприязнь, вы можете не так перевести. До свидания.

Честно сказать, у меня было предчувствие, что примерно так все и получится. В глубине души что-то подсказывало, что встреча не состоится. Да какая теперь разница! Пора ехать домой. В смысле, на дачу…

* * *

Год спустя умерла мать Антона Волошина. Видимо, сердце не выдержало потерю сына. И это один из самых страшных механизмов войны. Она убивает не только пулей, но и нервами; не только тех, кто непосредственно сражался, но и тех, кто далеко от места боевых действий…

Смерть нашла Волошина и Корнелюка в поселке Металлист под Луганском. Их имена теперь носит школа. На месте гибели установили поминальный крест. Посмертно обоих наградили орденами Мужества. Они стали частью истории этой несправедливой и неправедной войны на Донбассе. Они не должны были погибать. Так же, как и сотни, тысячи простых людей.

У Константина Симонова есть такие строчки в стихотворении «Корреспондентская застольная»:

Помянуть нам впору
Мертвых репортеров.
Стал могилой Киев им и Крым.
Хоть они порою
Были и герои,
Не поставят памятника им.

Так выпьем за победу,
За свою газету,
А не доживем, мой дорогой,
Кто-нибудь услышит,
Снимет и напишет,
Кто-нибудь помянет нас с тобой…

Так вот, я не забуду, я помяну.